

УДК 930

А. А. Солдатов

ТВОРЧЕСТВО СТЕФАНА КЕНЕВИЧА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

147

Рассмотрены оценки творчества историка Стефана Кеневича в работах современных польских исследователей. Показана его роль в польской исторической науке. Уделено внимание причинам обращения историка к марксизму после Второй мировой войны. Приведены примеры разногласий среди историографов относительно методологических взглядов историка и степени влияния марксистской теории на них. Представлена характеристика С. Кеневичем собственных теоретических взглядов.

The article considers the critique of the works of historian Stefan Kieniewicz by modern Polish researchers. The author analyses his role in the Polish historical science. Special attention is paid to the reasons behind Kieniewicz's turn to Marxism after the Second World War. The author gives examples of differences in the perspective of historiographers on the historian's methodological views and the degree to which they were influenced by Marxism. S. Kieniewicz's characteristic of his own theoretical views is presented.

Ключевые слова: польская историография, Стефан Кеневич, наследие социалистической историографии.

Key words: Polish historiography, Stefan Kieniewicz, legacy of socialist historiography.

Для современной польской историографии характерно частое обращение к наследию исторической науки социалистического периода (1945–1989)¹. Ученые переоценивают достижения предшественников, которые работали в условиях значительного влияния господствовавшей партии (ПОРП) и коммунистической идеологии на науку. В тот период часть историков, обычно членов партии, поддерживала сложившуюся систему, например Ж. Корманова (1900–1988), К. Пиварский (1903–1968), С. Стенёвский (1912–1957). Другие выступали против вмешательства власти в науку, «становясь идеологическими и политическими врагами» [10, s. 209], как отмечает современный исследователь А. Грабский. Зачастую неудобных для власти ученых, которые

¹ Под «современной» понимается историография после 1989 г., когда вместо Польской Народной Республики была образована Республика Польша, а соответственно, прекратился идеологический контроль со стороны ПОРП и государства над наукой.

продолжали отстаивать сложившиеся до войны консервативные взгляды и не соглашались со сталинизацией науки, отстраняли от научной деятельности, как это произошло, например, с В. Конопчинским (1880–1952) [10, s. 204]. В 1948 г. Министерство просвещения не допустило к защите диссертацию Х. Верещицкого (1898–1990); в том же году из всех магазинов и библиотек была изъята его книга «Политическая история Польши 1864–1918 гг.» (см.: [24, s. 22]).

Однако отношение к власти не может служить универсальным критерием для характеристики историка. Осмысление складывавшихся в ПНР драматичных отношений ученых и власти в терминах простой оппозиции сегодня обнаруживает свою несостоятельность. Примером тому служит творчество Стефана Кеневича (1907–1992), к которому за последние двадцать лет неоднократно обращались польские исследователи, давая ему самые разные оценки [7–13; 21–32]: он рассматривался как противник марксистской методологии, как ревизионист и как историк, поддержавший распространение исторического материализма в послевоенной Польше.

Внимание историографов к творчеству Кеневича во многом связано с его значительным научным вкладом. Его карьера в науке была успешной², общее число трудов, как видно из библиографии, превысило 800 (в том числе 30 книг) [25, s. 6]. Он публиковал работы по социально-экономической истории Польши, польскому национальному движению в XIX в., биографии видных деятелей, занимался историей Варшавы, методологией науки, вопросами национального самосознания и историей литературы. Его книги переведены на английский, итальянский, русский [1; 3; 4], сербскохорватский, французский и японский языки.

Посвятив много лет кропотливой работы своей основной теме — Январскому восстанию 1863–1864 гг., — ученый опубликовал одноименную монографию [17], которая неоднократно переиздавалась (в 1983, 1987 и 2009 гг.) и была высоко оценена коллегами. Е. Сковронек отметил, что эта книга была «наиважнейшим делом» Кеневича [22, s. 74], В. Цабан назвал ее «большим событием в польской исторической науке» [8, s. 104], а Л. Заштовт — одной из новейших и лучших монографий по этой теме [31, s. 174].

Колоссальный опыт работы Кеневича с историческими источниками разного характера (начало было положено еще до Второй мировой войны, когда он трудился в архиве Министерства финансов) был важным подспорьем в издании документов по истории Январского восстания. Благодаря совместной работе советских (И. С. Миллер, В. А. Дьяков и др.) и польских (под руководством Кеневича) историков за 24 года было опубликовано около 6200 документов в 25 томах [8, s. 116]. «Ни один из наших современных историков не может похвастаться чем-то подобным» [24, s. 745], — писал коллеге Х. Верещицки в 1987 г. Всю свою

² Профессор Варшавского университета, действительный член (1965) Польской Академии наук, заместитель директора по научной части Института истории (1953–1968), председатель Комитета исторических наук (1969–1978).

жизнь С. Кеневич посвятил исторической науке и, по замечанию ряда исследователей, был выдающимся историком, обладавшим авторитетом в сообществе. За последнее двадцатилетие коллеги по цеху не раз отмечали особые достижения ученого не только в изучении истории XIX в., но и биографистике [13, s. 13], издательском деле [28, s. 29], стилистике и исторической критике [11, s. 46], высоко оценивали его как научного руководителя и учителя [6, s. 209; 9, s. 41; 12, s. 406; 14, s. 64].

Исследователи не отрицают значительного вклада Кеневича в историческую науку, однако насчет методологических оснований его творчества не сложилось единого мнения. Камнем преткновения стало его отношение к марксистской теории, от которой он был весьма далек в начале своей научной деятельности, но обратился после Второй мировой войны. Изменения произошли в начале 1950-х гг., когда С. Кеневич испытывал давление со стороны ортодоксальных историков-марксистов.

В статье «Смысл или бессмысленность борьбы за независимость?» (1991 г.) [20] историк вспоминал о том, что в 1948 г. не был опубликован его доклад на VII Всеобщем съезде польских историков во Вроцлаве в связи с «обострившейся идеологическо-политической ситуацией», а две новые книги «застряли в издательстве из-за причин, которые мне (Кеневичу. — А. С.) не объяснили» [20, s. 25]. Во избежание травли ученый постарался адаптироваться к новым условиям. В 1951 г. он выступил на I Конгрессе польской науки с докладом «Классовая борьба польских крестьян в XIX и XX веках в освещении польской историографии» [15], впервые заявив о крестьянских восстаниях как проявлении «классовой борьбы» [15, s. 39]. Его слова о советских ученых были исполнены некоторого пафоса: «Естественно, проблема крестьянского движения заняла видное место в их (советских и польских историков-марксистов. — А. С.) исследованиях, поэтому их работы сейчас имеют для нас большое методологическое значение» [15, s. 51]. Кеневич критиковал С. Инглота (1902–1994) за традиционное восприятие крестьянского вопроса и «почти полное замалчивание классовой борьбы в деревне» [15, s. 53]. По-марксистски он объяснял необходимость изучения истории крестьянства в Польше: «Последняя война (Вторая мировая. — А. С.) завершила в нашей историографии переворот более глубокий, чем предшествующая (Первая мировая. — А. С.). Касается это в основном исследованной истории польской деревни. Власть в Польше перешла в руки народных масс, а в результате прошлое этих масс, их история выдвинулись на первый план среди прочих вопросов польского историописания. С марксистской точки зрения история крестьян, их классовая борьба со шляхтой становятся центральной проблемой нашей истории вплоть до момента восстания рабочего класса. Обзор этих событий, в особенности их самого главного последнего периода, и в связи с этим ревизия застарелых взглядов являются наиболее актуальными задачами нашей историографии» [15, s. 52].

Давление власти немного ослабло после 1956 г. Сохранялись цензура и признание марксистской методологии единственно научной, однако «постепенно происходили отказ от обязательного “цитирования”

и избавление от схематичных “черно-белых” оценок» в работах историков, усиливался интерес к темам, которые «долго замалчивались или неохотно оценивались — например, польский консерватизм или католицизм» [19, s. 147].

Современные исследователи в разной степени обращают внимание на причины обращения Кеневича к марксизму и его место в творчестве ученого.

В первой статье, посвященной творчеству умершего в 1992 г. историка, М. Худыньски не акцентировал внимание на его теоретических взглядах. Затронув тему усиления государственного вмешательства в науку, автор привел слова Кеневича о том, что в своих исследованиях он руководствовался «прежде всего объективной правдой» [9, s. 38]. Такое определение было обусловлено, видимо, нежеланием автора без проведения дополнительного анализа объявлять Кеневича приверженцем какой-либо теоретической школы.

Е. Сковронек в статье «Практическая методология профессора Стефана Кеневича» (1993 г.) отмечает, что только через анализ конкретных работ можно определить «его методологическую ориентацию — не заявленную, а реально осуществленную на практике» [22, s. 65]. По мнению автора, не стоит относить Кеневича к лагерю историков-марксистов; широкое использование экономического фактора в интерпретации исторических событий и даже действий отдельных личностей было обусловлено собственным «стремлением к изучению и обогащению используемых интерпретационно-исследовательских методов» [22, s. 66]. Характерно, что истоки этих интересов Сковронек обнаружил в участии историка в студенческом демократическом католическом движении [22, s. 66]. Автор убежден, что Кеневич «остался верен проблемно-описательной историографии и традиционным, простым, но безошибочным методам» [22, s. 73] и не стал низводить «участников событий до безвольных носителей „объективных законов истории“» [22, s. 67]. В другой статье Сковронек назвал подход Кеневича к исследованию — «прагматичной методологией» [23 s, 164]. С точки зрения автора, теоретические взгляды ученого, формировавшиеся в 1930-е гг. и далекие от марксизма, фактически не изменились после войны.

Несколько суждений о методологии историка можно найти на страницах журнала «Пшеглэнд хисторычны» («Przegląd Historyczny»)³. И. Хомоля-Сконпска и Х. Маркевич отмечали, что главную роль в исследовании на протяжении всей научной деятельности историка играла всесторонняя критика источников [13, s. 14]. По мнению Б. Грохульской, Кеневич проводил исследования «в широко развернутом контексте общественных отношений и... сравнительной истории» и вообще «не умел совершать неверных шагов» в методологии [11, s. 43]. Авторы достаточно поверхностно рассматривали теоретический подход Кеневича, не остановившись на роли марксизма, а только констатировав профессионализм ученого в базовых методах исследования: критике

³ Эти статьи были воспроизведены в сборнике «Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii» (Warszawa, 2010).

источников и компаративном анализе. Предположу, что это могло быть связано как с нежеланием причислять Кеневича к какой-то конкретной методологической школе, так и со стремлением указать на высокий уровень его работ вне зависимости от менявшегося теоретического дискурса.

На разнице в методологических взглядах историка до и после Второй мировой войны заострил внимание М. Вольневич. Он отметил, что еще в начале своей научной деятельности Кеневич стал интересоваться социальной проблематикой восстаний XIX в. Однако первые работы он писал в духе так называемого «пилсудистского (piłsudczykowskiego)» направления в историографии, основывавшегося на индивидуалистическом историзме [29, s. 96]. Историки данного направления причину восстаний в XIX в. видели в стремлении поляков к восстановлению своего государства. Кеневич в этом русле рассматривал Январское восстание как польско-российскую войну за независимость, уделял внимание в основном политической истории этой войны и ее международным аспектам [29, s. 96 – 97].

По Вольневичу, перемены в методологических приоритетах Кеневича были вынужденными. На I методологической конференции в Отвоцке (1951 – 1952) он был первоначально в «списке “нелояльных” [в отношении партии] лиц, предназначенных для ритуального проклятия» [29, s. 110]. Однако историк не стал бороться с давлением власти на науку и согласился с новым курсом. Автор оценил этот шаг как «согласие на далеко идущие компромиссы», среди которых была разработанная Кеневичем «ревизионистская история народных восстаний» [29, s. 110]. Ученый стал больше внимания уделять экономическим факторам в историческом процессе, общественным изменениям и крестьянскому вопросу. В статье «В поисках утраченного “оптимизма”. Народные восстания в исторической рефлексии Стефана Кеневича» Вольневич отметил, что ревизионизм касался как сталинской, так и пилсудистской историографии. Таким образом, для ученого в истории восстаний одинаково важны были как крестьянское движение, приведшее к смене формаций, так и борьба за независимость Польши [30, s. 174].

В 2007 г. к столетию со дня рождения Кеневича историческим факультетом Варшавского университета был организован симпозиум, материалы которого были изданы в 2010 г. в сборнике «Стефан Кеневич и его наследие в польской историографии». Прежние оценки Кеневича можно обнаружить и в нем. В предисловии А. Шварц отмечал, что историк «на первое место ставил данные источников... В силу возможности использовал лучшие и худшие годы политической конъюнктуры, не нарушая обозначенных для себя границ компромисса» [27, s. 10]. Е. Борейша и Е. Здрада сошлись во мнении, что на исследования ученого имела влияние марксистская методология [7, s. 20; 32, s. 52], однако последний добавляет, что Кеневич не был марксистом в «идеологическом смысле» [Ibid.].

Таким образом, среди ряда историков сложилось мнение о Кеневиче как о профессиональном ученом, который скорее был вынужден об-

ратиться в своей работе к марксистской методологии, но нашел в этом выгоду для себя и науки. При этом открытое использование ученым в первой половине 1950-х гг. исторического материализма обычно оправдывается политическими обстоятельствами.

Однако не все исследователи согласны с этим. А. Менкарски в монографии «Между историософией и политикой» использовал работу Кеневича 1953 г. «Деятельность крестьян в Январском восстании» [16] в качестве примера марксистской историографии [21, s. 37]. Прямой оценки теоретических позиций Кеневича автор не дал, но использовал тезис о том, что восстание было в первую очередь следствием смены формаций, а не национального движения, в качестве «иллюстрации единой модели сталинского подхода», отнеся, таким образом, историка к лагерю марксистов (отметив, правда, мимоходом, что не стоит считать, будто Кеневич навсегда остался верен данным идеям [21, s. 40]).

Разнообразие оценок методологии Кеневича во многом обусловлено развитием польской историографии после Второй мировой войны. Политика ПОРП в отношении науки вынуждала ученых, которые не до конца соглашались с ней или выражали оппозиционные взгляды, адаптироваться во избежание остракизма. Кеневич, анализируя развитие исторической науки в статье «Послевоенные достижения историографии периода народных восстаний» (1987 г.), описал первую половину 1950-х гг. как боевые действия: «наступление марксистской методологии» привело к тому, что «традиционная проблематика борьбы за независимость стала трактоваться в контексте классовой борьбы, зачинающейся в деревне» [19, s. 146].

Своеобразный анализ собственного творчества представляет одна из последних статей Кеневича «Смысл или бессмысленность борьбы за независимость?» Рассматривая вопрос о «целесообразности польских стремлений к независимости» в XIX в., ученый сознательно или нет пытался оценить собственную борьбу за свободу в науке [20, s. 23].

Он писал, что на всем протяжении его научной деятельности вокруг него «эволюционировали существовавшие взгляды на тему национального прошлого, в том числе на тему польских восстаний. К тем взглядам должен был относиться критически: чувствовал, что знаю лучше 'wie es eigentlich gewesen'» (знаменитая формула Л. фон Ранке «как это было на самом деле». — А. С.). Что ж, когда-то и мои собственные оценки тех событий, сейчас анализированные с перспективы лет, подчинялись произвольным изменениям...» [Ibid.]. Кажется, что историк пытался в этом отрывке оправдать свое обращение к историческому материализму в послевоенные годы: во-первых, не зависящими от него обстоятельствами; во-вторых, четким осознанием того, что в работе историка необходимо максимально отстраниться от как внешних, так и собственных оценочных суждений.

Однако, возможно, в результате вынужденного обращения к марксистской методологии Кеневич нашел в ней положительные для научной деятельности элементы и использовал их сознательно. Более того, спустя несколько десятилетий он продолжал отстаивать их, в то

время как другие историки склонялись к переоценке. В 1980 г. историк полемизировал с А. Валицким, который «высмеял» идеи Энгельса о консервативном характере Ноябрьского восстания и о возможности аграрной революции в Восточной Европе в XIX в. [20, s. 29]. Однако Кеневич осторожно использовал марксистскую методологию, дистанцируясь «от крайнего догматического подхода» в понимании исторического процесса [20, s. 25].

В конце статьи Кеневич ставит ряд вопросов о том, «может ли историк воздержаться от оценки поступков своих героев», если нет, то какими критериями необходимо руководствоваться — «национальными, религиозными, классовыми или партийными»? Что бы ни выбрал историк, это будет оспорено учеными, которые придерживаются других позиций. Выход автор видит только в одном критерии — этическом. Историк должен «разграничивать в своем изложении события от спекуляции» [20, s. 31]. Таким образом, помимо марксизма Кеневич в своих исследованиях также опирался на позитивизм.

Сам ученый никогда не объявлял себя приверженцем какой-то конкретной теории. В 1980 г. он писал о своих взглядах: «Практикую эклектичную методологию, дополняя аргументацию, исходя из здравого смысла. Знаю, что этот критерий бывает коварным» [18, с. 265]. Российский историк В. А. Дьяков в биографической статье о Кеневиче справедливо отметил, что для польского коллеги «характерен плюралистический подход к теоретическим вопросам и в общем положительное отношение к некоторым из основных принципов творчески понимаемой марксистской методологии» [2, с. 189]. Вне зависимости от того, к каким историческим школам (позитивизму, марксизму или французской школе «Анналов»⁴) обращался Кеневич, он на высоком уровне проводил свои исследования, результаты которых актуальны до сих пор. Скорее всего, поэтому исследователи, изучавшие его творчество, высоко оценивали работы историка, несмотря на разную характеристику его методологических взглядов.

Под конец жизни, предвосхищая неоднозначную оценку своего творчества, ученый написал: «Когда-то может быть займется Кеневичем историк историографии. Если хватит ему терпения узнать, что мои взгляды на те или иные проблемы истории Польши после разделов менялись на протяжении полувека; что одно писал перед войной, а другое после нее; что иначе формулировал оценки в 50-х, 60-х, 70-х годах. Верю, что будущего исследователя не огорчит такая эволюция взглядов. Лежит она в природе вещей. Сам могу ее оценить только субъективно. Мне кажется, что если изменял оценку того или иного исторического факта, то потому, что в этом конкретном примере в самом деле пришел к другому мнению» [24, s. 265].

⁴ Кеневич писал, что в 1963 г. выступил на конференции, посвященной столетию Январского восстания, с докладом «в стиле *longue durée*» («большой длительности»). Тогда историк обратился к рассмотрению вопросу влияния складывания национального самосознания крестьян на борьбу за независимость [28, s. 26].

Список литературы

1. *Авейде О.* Показания и записки о польском восстании 1863 года / ред. С. Кеневич. М., 1961.
2. *Дьяков В.А.* Стефан Кеневич и его место в польской исторической науке // Вопросы истории. 1992. №11–12. С. 185–192.
3. *Кеневич С.* Лелевель. М., 1970.
4. *Кеневич С.* Польско-русский революционный союз в период восстания 1863 г. М., 1971.
5. *Шварц А.* Стефан Кеневич и российские исследователи истории Польши XIX в. // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003. С. 218–226.
6. *Bando H.* Jestem uczniem Stefana Kieniewicza // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii. Warszawa, 2010. S. 209–211.
7. *Borejsza J. W.* Stefan Kieniewicz. Historyk i jego epoka // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo... S. 17–28.
8. *Caban W.* Stefan Kieniewicz jako historyk i inspirator badań powstania styczniowego // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo... S. 103–120.
9. *Chudyński M.* Pamięci profesora Stefana Kieniewicza // Notatki Plockie. 1992. №37–3. S. 37–41. URL: http://mazowsze.hist.pl/40/Notatki_Plockie/826/1992/1315/3_152/31808/ (дата обращения: 02.03.2015).
10. *Grabski A. F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2003.
11. *Grochulska B.* O sztuce krytyki. Stefan Kieniewicz – recenzent // Przegląd Historyczny. 1993. T. 84, z. 1. S. 39–46.
12. *Groniowski K.* Seminarium Stefana Kieniewicza // Przegląd historyczny. 2000. T. 91, z. 3. S. 405–433.
13. *Hamola-Skańska I., Markiewicz H.* Biografistyka w twórczości naukowej Stefana Kieniewicza // Przegląd Historyczny. 1993. T. 84, z. 1. S. 13–27.
14. *Hayasaka M.* Pamięci Profesora Kieniewicza // Przegląd Historyczny. 1993. T. 84, z. 1. S. 63–64.
15. *Kieniewicz S.* Walka klasowa chłopów polskich w XIX i XX w. W oświetleniu historiografii polskiej // Kwartalnik historyczny. 1950/1951. R. 58, №1. S. 39–57.
16. *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953.
17. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.
18. *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa czasów porozbiorowych (Autobiografia) // Kwartalnik historii nauki i techniki. 1980. R. 25, №2. S. 243–267.
19. *Kieniewicz S.* Powojenny dorobek historiografii okresu powstań naradowych // Kwartalnik historyczny. 1987. R. 94, №1. S. 145–158.
20. *Kieniewicz S.* Sens czy też bezsen walk o niepodległość // Kultura i społeczeństwo. 1991. №35/2. S. 23–31.
21. *Mękarcki A.* Między historiozofią a polityką. Historiografia Polski Ludowej w opiniach i komentarzach historyków i publicystów emigracyjnych 1945–1989. Warszawa, 2011.
22. *Skowronek J.* Profesora Stefana Kieniewicza metodologia praktyczna // Historia. Studia metodologiczne. 1993. T. 23. S. 65–81.
23. *Skowronek J.* Stefan Kieniewicz (1907–1992) // Nauka Polska. 1993. №4. S. 161–167.
24. *Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki.* Korespondencja z lat 1947–1990 / wstęp E. Orman. Kraków, 2012.
25. *Szwac A.* Bibliografia prac Profesora Stefana Kieniewicza za lata 1987–1992 // Przegląd Historyczny. 1993. T. 84, z. 1. S. 1–6.
26. *Szwarc A.* Kieniewicz Stefan // Słownik historyków polskich. Warszawa. 1994. S. 224–225.

27. Szwarc A. Przedmowa // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo... S. 7–10.
28. Śliwowska W. Stefan Kieniewicz – edytor // Przegląd Historyczny. 1993. T. 84, z. 1. S. 29–38.
29. Wolniewicz M. Między tradycją legionową a "tradycjami postępowymi". Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza // Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej. 2006. T. 2. S. 91–119.
30. Wolniewicz M. W poszukiwaniu utraconego "optimizmu" Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza (1956–1958) // Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej. 2008. T. 3. S. 163–186.
31. Zasztowt L. Europa Śródkowo – Wschodnia a Rosja XIX – XX wieku. W kręgu edukacji i polityki. Warszawa, 2007.
32. Zdrada J. O Stefana Kieniewicza Koncepcji dziejów porozbiorowych // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo... S. 29–102.

Об авторе

Антон Анатольевич Солдатов — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: anthon-soldatov@mail.ru

About the author

Anton Soldatov, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: anthon-soldatov@mail.ru